

Рисунок Ю. ГАНФА.

Это всё, что товарищ Остороженский решает самостоятельно...

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

№ 31

10 НОЯБРЯ
(1465)

1956

ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

К ВОПРОСУ О ПЕЧЁНКАХ

Радиоперекличка Крокодила

В перекличке участвуют главные санитарные врачи некоторых наших городов. Послушать их в крокодильскую радиостудию персонально приглашаются: председатель исполкома Челябинского горсовета тов. Конопасов, председатель Лемешкинского райисполкома Балашовской области тов. Меркулов и секретарь Темрюкского райкома КПСС Краснодарского края тов. Говоров.

Крокодил. Внимание, начинаем нашу радиоперекличку. Дорогие товарищи санитарные врачи! Я представляю себе характер и особенности вашей многогранной работы. Вы призваны бороться за санитарную и гигиену. Вредоносные бактерии — вот ваш главный враг, с коим вы ежедневно и ежечасно схватываетесь не на живот, а на смерть. Верно я говорю, товарищ Попова?

Е. И. Попова, главный санитарный врач города Челябинска (вздыхая). Верно-то верно, товарищ Крокодил, да не совсем. Не на живот, а на смерть мы, конечно, боремся. Но не столько с вредоносными бактериями, сколько с неправильными взглядами на деятельность санитарно-эпидемиологических станций и их работников.

Крокодил. Любопытно! Это что-то новое в санитарной науке. Поясните, пожалуйста.

Попова. Изволь. Мы неоднократно требовали от руководства тракторного завода навести чистоту и порядок в своей столовой. И получили этой вежливенький ответ: «Вы начинаете нам надоедать. Ничего со столовой страшного не случится». С тем мы и отъехали.

Крокодил. Позвольте! Ведь санитарный врач может выносить обязательные постановления и даже штрафовать.

Попова. Эх, не знаешь ты характера нашего предгорсовета товарища Конопасова! Для нарушителей санитарных норм он просто отец и благодетель. Посуди сам: оштрафовали мы недавно за антисанитарию директора кузнечно-прессового завода товарища Кирсанова. Но он и не думает платить. Мы к прокурору товарищу Дубовицкому. Тот только руками развёл: «Извините, ничем помочь не могу... Вот она, бумажка, за подписью товарища Конопасова!» В ней так прямо и говорится: «Штраф отменить!» И так каждый раз.

Крокодил. Прошу прощения. Я слышу тревожный сигнал из Балашовской области. Предоставляю слово главному санитарному врачу области товарищу В. И. Ермолову. Ну, что у вас случилось?

Ермолов. Ничего особенного, товарищ Крокодил. Самый, можно сказать, заурядный случай. Опечатали наши врачи Долгова и Силин кухню столовой Лемешкинского райпотребсоюза за грязь и антисанитарию. Вызвал их к себе председатель Лемешкинского райисполкома товарищ Меркулов и накричал: «Плевать я хотел на ваши постановления! Я в районе хозяин!»

Крокодил. А вы, как представители медицины, не разъяснили товарищу Меркулову, что плевать в общественном месте негигиенично даже председателю райисполкома?

Ермолов. К сожалению, плевки на санитарную службу вошли в при-

вычку не только у товарища Меркулова. Отмена наших постановлений, приостановка взыскания штрафов — сколько их было в нашей практике! А товарищ Ольховский, председатель Ртищевского райисполкома, — тот даже до того дошёл, что самовольно отобрал у санитарного врача автомашину и отдал её другому лицу.

Крокодил. Вот ведь какой храбрый мужчина товарищ Ольховский: не даёт врачам спуску! А теперь послушаем главного врача Темрюкской санитарно-эпидемиологической станции товарища Л. Е. Роенку.

Роенку. Я получил ещё одно обещание секретаря райкома КПСС товарища Говорова.

Крокодил. И что же он вам обещал? Заставить директора рыбзавода хранить пищевую соль отдельно от угля и цемента?

Роенку. Нет, другое.

Крокодил. Тогда, может, обещал призвать к порядку директора хлебозавода? Я слышал, что сточные воды с этого предприятия спускаются прямо на центральную улицу города?

Роенку (тяжко вздыхая). Тоже нет. Обещание товарища Говорова носит совсем другой характер. Пригласил он меня на днях к себе в кабинет и сказал: «Лучше добровольно уходи из моего района, а не то я тебя сам выгоню вместе с заведующим райздравом Ильинским, который тебя поддерживает. Вы оба мне все печёнки переели».

Крокодил. Интересное явление! Каково же состояние печёнок товарища Говорова, если он таким, мягко выражаясь, необычным способом руководит кадрами врачей?

Роенку. Об этом надо спросить у его лечащего врача. Хотя общее собрание работников райздравотдела, по-моему, установило правильный диагноз болезни товарища Говорова. По-латыни он звучит так: «Критикус зажимус вульгарис».

Крокодил. Надо раз и навсегда вылечить товарища Говорова от такой неприятной и, главное, опасной в смысле осложнений болезни.

Наша перекличка подходит к концу. Я, товарищи, должен с грустью констатировать, что к сонму бактерий, уже открытых и изученных наукой, видимо, прибавилась ещё одна. Симптомы болезни, вызываемой ею, таковы: утолщение кожного покрова (отсюда толстокожесть); частичная глухота (к предложениям и просьбам санитарных врачей); частичная слепота (в отношении злостных нарушителей правил санитарии и гигиены) и, наконец, чудовищно гипертрофированное самомнение («Я здесь хозяин, и моему здраву не препятствуй»).

Предлагаю объявить конкурс на действенное средство против новой бактерии, с привлечением краевых, областных, районных и иных руководителей. Со своей стороны вношу предложение — смелее использовать для устранения недуга, вызываемого этой бактерией, такое зарекомендовавшее себя средство, как лечение внушением.

Остаюсь в ожидании ваших конкретных предложений

КРОКОДИЛ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА (г. Рига).

— Этого парня вы знаете!

— А как же! Каждый месяц у него принимаю комсомольские взносы.

Методом перекраски...

Много лет молчали о себе некоторые сотрудники отдела изобретений и рационализации научно-исследовательского института механизации и электрификации совхозов, что в городе Зерновом. Работали себе потихоньку, на особые заслуги не претендовали, к громкой славе сильных влечений не имели; день прошёл — уже хорошо!

И вдруг к тихим труженикам науки пришло наконец неодолимое желание: непременно втиснуть и своё досель неизвестное имя в скрижали истории научных открытий и изобретений. А так как институт имел к тому же от Министерства совхозов СССР специальное задание — создать кукурузомолотилку, — тут им и все козыри в руки!

Вышеуказанная кукурузомолотилка появилась в мгновение ока.

«Во исполнение вашего приказа, — спешно строчили в Министерстве совхозов СССР и РСФСР директор института Рунчев и его заместитель Филатов, — группой научных сотрудников института под руководством Власенко Н. Д. в короткий срок разработана конструкция универсальной кукурузомолотилки. Подобные молотилки как в отечественной, так и в зарубежной практике нам неизвестны. ходатайствуем о премировании тов. Власенко и его помощников...»

Потом работники института торжественно повезли своё произведение в Ростов, должно быть, на показ. И все смотрели и удивлялись. Больше других удивились проворным изобретателям заведующий зернохранилищем учебно-опытного совхоза № 2 тов. Нестеров и механик тов. Реденко. Принимая от института машину, они долго и подозрительно осматривали, выстукивали её и диву давались. Она была одета в новую жестяную одежду, изящно выкрашена, а по красному белыми крупными буквами выведено: «ВНИИМЭС-03».

— Ловко сработано! В самом деле, как новая. И не узнаешь! — сказал Нестеров. — А скажите, пожалуйста, паровоз тоже будет вашим изобретением, если, скажем, его выкрасить в вашем институте?

Хотя представители института прекрасно понимали всё коварство этого вопроса, они, не задумываясь, ответили:

— Во-первых, с паровозом это не остроумно! Во-вторых, что вы хотите сказать? Что это та самая молотилка, которую мы взяли в вашем совхозе для научных испытаний?

— Ну, конечно! — воскликнул Нестеров. — Она и есть! Ещё двенадцать лет назад Реденко нашёл её в свалке утиля, реставрировал и переконструировал из ручной в электромеханическую.

— Ну-ну, не будем скандалить! — уступили изобретатели упрямому Нестерову. — У вас взяли, вам и возвращаем. Возьмите её! Всё равно она не принята к производству. Из-за чего же такой шум поднимать?

Вот именно, совсем не из-за чего было поднимать шум до небес... институту!

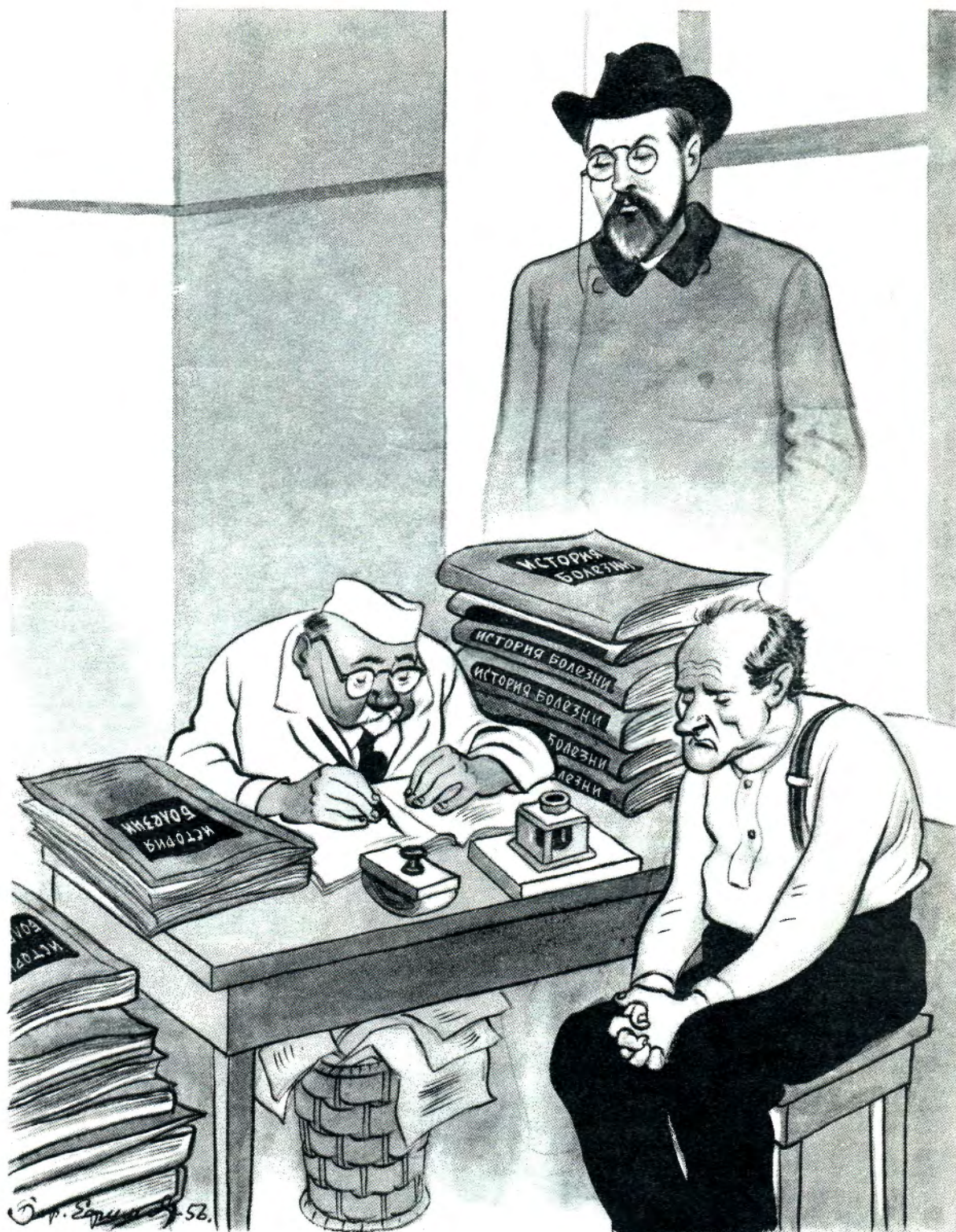
В. ФРОЛОВ

Ростовская область.

ДОКТОР ЧЕХОВ В КАБИНЕТЕ У ДОКТОРА ИВАНОВА

Лечащие врачи вынуждены тратить много времени на заполнение различных бумаг.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

А. П. ЧЕХОВ: — Я тоже очень любил писать, но делал это не во время приёма больных.

А. МАЛИН

Товарищ Комфортиков переезжает

Товарищ Комфортиков, предгорсовета,
На улицу Дальнюю жить перешёл.
Была немощёною улица эта,
А нынче асфальт на ней гладкий, как шёлк.

Недолго и тут новосёл задержался:
Другое ему приглянулось жильё.
На улицу Ближнюю он перебрался —
И сразу в асфальт нарядили её.

Но вот и опять (характерна примета!)
На улице Средней дымятся котлы.
Сюда, нет сомнения, предгорсовета
Задумал свои перебросить тылы.

Ему горожане в порядке сатиры
Такое решили послать письмецо:
«Почаще, товарищ, меняйте квартиры —
И город скорее изменит лицо».

ВИТРИНЫ И МАНЕКЕНЫ

НА ГЛАЗАХ ИЗУМЛЁННОЙ ПУБЛИКИ

Приехав в Днепропетровск, мы с удовольствием отметили, что осень здесь тёплая и солнечная, Днепр течёт вольно и плавно, как ему и положено, а местные сталевары всё делают для того, чтобы сталь из маргеновских печей тоже текла вольно и плавно.

Рассуждая на эту тему, мы вышли из гостиницы на Главный проспект, решив посвятить утро знакомству с городскими новостями. Они встречались на каждом шагу: то новый дом, то новый магазин с огромными витринами... У одного из магазинов с вывеской «Одежда» стояла большая толпа; вид её ясно говорил, что она собралась сюда не за тем, чтобы встречать восход солнца, а по каким-то более деловым причинам.

Неожиданно мы увидели среди пешеходов нашего днепропетровского знакомого Михаила Васильевича Грудева — старшего мастера маргеновского цеха № 1 завода имени Петровского. Мы поздоровались, и он выразительно кивнул в сторону толпы:

— Всмотритесь внимательно, сейчас вы увидите характерную для нашего города бытовую сценку.

На наш взгляд, ничто пока не предвещало никакой сценки. Но, приглядевшись, мы действительно установили, что толпа состоит, так сказать, из трёх компонентов: а) обыкновенной очереди, скромно жавшейся вдоль стены, б) обыкновенной милиции, в) группы франтовато одетых граждан в кепочках фасона «Жора». Эти стояли несколько поодаль с видом деревенного равнодушия и лениво покуривали.

Но вот толпа пришла в движение, двери в магазин открылись, и чей-то мужественный баритон провозгласил:

— Граждане, входите по возможности культурно! Просьба не ломать двери и прилавки!

В ответ на такое приглашение очередь попыталась стройно и дисциплинированно войти в магазин, но парни в кепочках «Жора», действуя кулаками, боксами и плечами, отбросили очередь на исходные позиции, сломали силы разногласия свистящей милиции и первыми вошли в магазин. Обыкновенный человек, не являющийся чемпионом мира по тяжёлой атлетике, вряд ли полез бы в этот водоворот.

— Вот видите наши порядоч-

ки,—сказал Грудев.—Ни костюм нельзя купить, ни спецовку. Всё это уходит на чёрный рынок. Через торговую сеть не останешь, а через спекулянтскую сеть не хочется. Зашёл я тут в артель «Точное время», и что же вы думаете? Предлагают мне телевизор «Темп-2», новый, запаканный. И без всякого стеснения просят за него на чьестра рублей дороже.

Толпа у магазина разошлась ни с чем. В зеркальной витрине отстояла семья манекенов: папа, мама и их единственное дитя — мальчик в курточке с золотыми пуговицами. Манекены безразлично смотрели сквозь стекло на пешеходов, не обращавших на них никакого внимания.

ПЯТНО НА КАРТЕ

Высшая нервная деятельность человека ещё недостаточно изучена. В этом мы убедились, посетив днепропетровский чёрный рынок, толкучку тож.

Спекулянты, торгующие на чёрном рынке, обладают сверхчуткой интуицией. Их нервная деятельность — повышенного типа. Вот, например, милиция решает сделать на спекулянтов облаву. На рынок, заывая и тархтя по бульжнику, выезжает милицейская машина. А спекулянты уже за три дня

до этого знают, что будет облава. Знакомые нам кепочки «Жора» с невинным видом сидят на рынке, наблюдая, как милиционеры озабоченно и тревожно шныряют в толпе и надрывно свистят.

Вот кого-то схватили, ведут! Наступает кульминационный момент облавы: в машину тол-

кают двух старух. Одна продавала кофейную мельницу такого же возраста, как и она сама, другая — пачку лаврового листа.

Видя эту картину, мы не сомневались, что пойманные две старухи представляют собою могучий оплот спекулянтского мира. Хорошо было бы послать кофейную мельницу в Москву, в Музей криминалистики. Из лаврового листа можно сплести венки и увенчать им работников милиции, особо отличившихся при проведении облавы.

Как только машина уезжает, спекулянты молодецково врзаются в толпу, произнося магические заклинания:

— Шуба цигейка, шуба цигейка!

— Кому телевизор, кому телевизор?

— Продам швейную машину, продам швейную машину!..

Тут каждый сам себе и витрина и манекен. Вот стоит парень, увешанный брюками, как ёлка игрушками. Вот «Жора» вынимает из чемодана костюмы, добытые в магазине «Одежда». Рынок озабочен воспитанием своих кадров. Здесь вертятся ребятки школьного возраста, они и подторговывают и подворывают. Приучаются, так сказать, с малолетства.

ОТМЫЧКИ К СЕРДЦУ

Пути к завоеванию человеческого сердца до сих пор ещё темны и неопределёны. Военная наука, тщательно разработавшая тактику и стратегию всевозможных боёв, не даёт ответа на вопрос: как покорить сердце? Поэты и философы про-

бавали разобратся в этом деле, но безуспешно.

Находясь в Днепропетровске, мы тоже сделали такую попытку, но отступили в большом смущении. Хитрая вещь — человеческое сердце, поди в нём разберись!

Днепропетровская торговая сеть засорена тёмными людьми: прохвостами, жуликами, спекулянтами. Их изобличают, разоблачают, наказывают. Но... несмотря на категорическое запрещение принимать на работу тех, кто опозорил себя в торговом деле, их всё-таки принимают. Не в эту же торговую базу, так в соседнюю; не в тот магазин, где они проворовались, так в другой. Мы подумали, что это, очевидно, неспроста. Значит, у спекулянтов и мошенников есть какая-то своя система покорения начальственных сердец, от которых зависит приём на работу. Есть отмычка, безошибочно открывающая эти сердца...

Приехав к заведующему областным Управлением торговли М. М. Булатникову, мы спросили, известно ли ему, что магазины часто засорены работниками, не внушающими доверия.

— Есть, есть такое дело,—ответил, помолчав, тов. Булатников.— По приказу министра мы не имеем права допускать этих деятелей к торговле, а на деле получается, что они всюду лезут, проникают, просачиваются как-то. Это очень плохо,—грустно добавил тов. Булатников.— Но ведь не уследишь! А они лезут, используют связи...

Начальник городского ОБХСС капитан милиции тов. Богач

Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО.

подтвердил то же самое и иронически улыбнулся.

— В торговом деле проходимцев видимо-невидимо. Как-то так получается, что мы задержим спекулянта, но не успеем оглянуться, как он опять уже стоит за прилавком. Вот представьте себе такой эпизод...

И тов. Богач рассказал нам маленькую новеллу о заведующем секцией культтоваров Главунивермага Кольмане.

Осень. Проводы новобранцев. Во дворе облвоенкомата торгуют палатки, заботливо открытые для призывников. Из палатки Главунивермага выглядывает приветливо улыбающийся Кольман.

— Мои юные друзья,—нежно обращается он к уходящим в армию ребятам.— Особенно рекомендую вам эти перочинные ножи. Незаменимая вещь! И всего девять рублей за штуку.

Ножи быстро раскупаются, но беспокойный ОБХСС прерывает эту коммерческую идиллию. Оказывается, приветливый Кольман закупил ножи на свои собственные деньги и теперь наживает на каждом ножичке пять рублей.

— Впрочем, новелла кончается благополучно,—добавляет капитан Богач.— Государственная торговая инспекция выносит решение снять Кольмана с работы, а добрый директор универмага Вильковский великодушно прощает его.

Ну что же, отдадим должное отзывчивому директорскому сердцу и ловкости самого Кольмана, сумевшего чем-то покорить и завоевать это сердце.

Нельзя не отметить и той любопытной роли, которую играет в подобных делах кроткая торговая инспекция, решениями которой можно оклеивать окна, раскуривать их на «кози ножки» или же просто бросать в корзину.

С необыкновенной сердечностью и отеческой лаской относится упомянутая инспекция и к другим деятелям подобного рода.

В горпромторге работает продавцом Винокуров, осуждённый ранее на год тюремного заключения за спекуляцию. На должности заместителя заведующего обувным складом этого же горпромторга состоит Вижевник, судимый за такие же дела. Кладовщик хозяйственных товаров Главунивермага Бирюков тоже имел неприятное столкновение с Уголовным кодексом.

Почему их берут, несмотря на приказы Министерства торговли? Вероятно, потому, что люди, коим в Днепропетровске доверили руководство торговлей, относятся к своим обязанностям с манекенным безразличием.

Ольга ПОЗДНЕВА,
специальный корреспондент
Крокодила.

г. Днепропетровск.

К предстоящему приезду Ива Монтана в Советский Союз

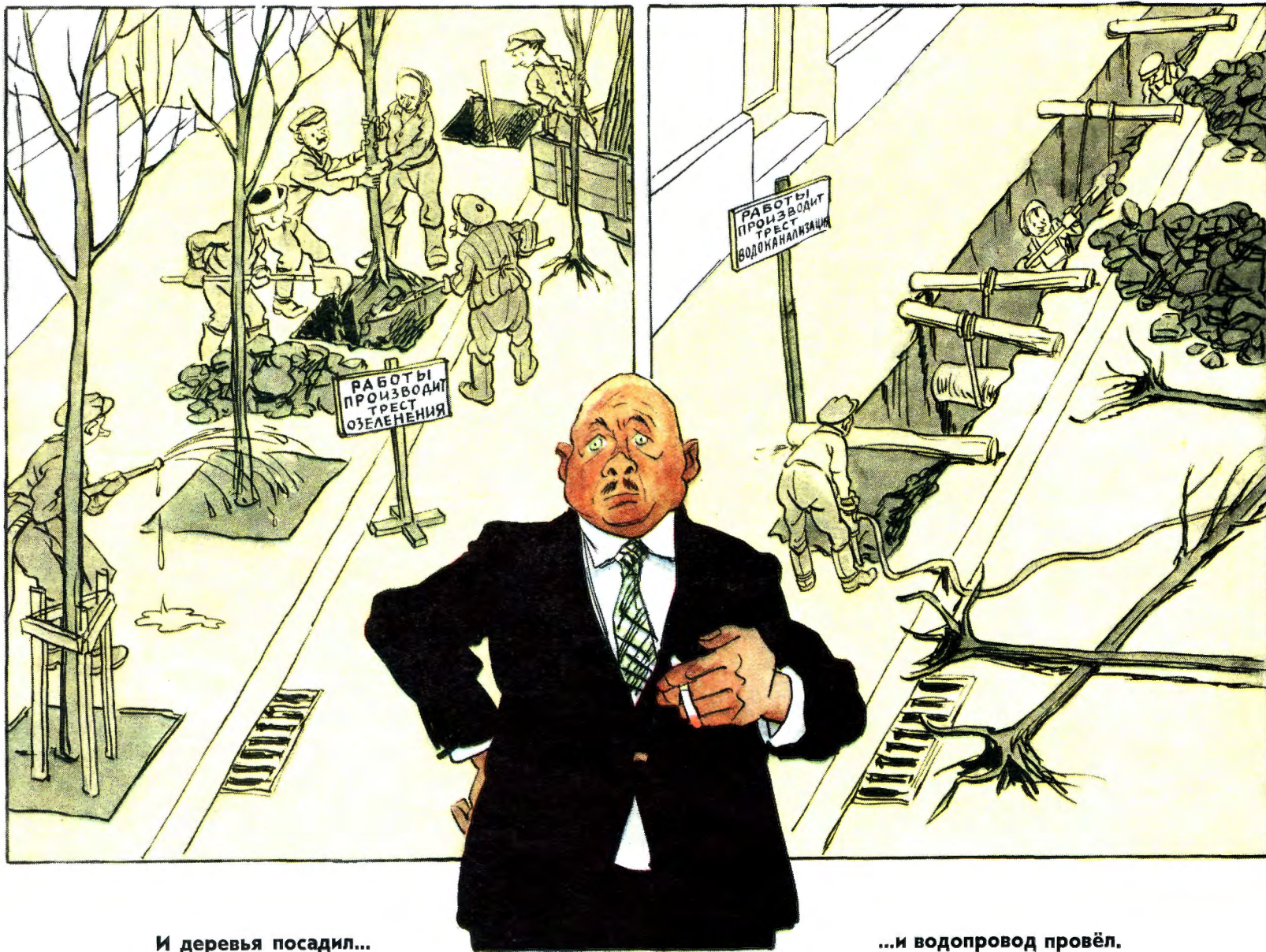
Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Когда поёт далёкий друг!..

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

И деревья посадил...

...и водопровод провёл.

Владимир ИВАНОВ

Реляции недлинные про юрести целинные

БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ

Артист не очень-то хороший,
Но клубный зал предлогу рад:
Усердно хлопая в ладоши,
Согреться зрители хотят.

В ОЖИДАНИИ ПОЧТЫ

Что стало с почтой, непонятно!
Завязла где-то! Ну и ну!
Идёт доставка, вероятно,
На целину... через Луну!

ПО СТАРОЙ ПОСЛОВИЦЕ...

В степном посёлке строят дом,
Семь нянь заботятся о нём:

Есть «Стройучасток», говорят,
«Контора»,
«Трест»,
И «Главк»,
И — выше!

У каждого солидный штат.
А новый дом стоит без крыши!

БОРОДАЧИ

Где Бороде омолодиться!
К девчатам просьба у парней:
Танцуй, не взирать на лица,—
Нет парикмахерской своей!

ЖЕЛЕЗНЫЙ КУРГАН

Степь беспредельная кругом,
В степи холмом
Железный лом.
Певец тут вряд ли бы запел.
Он задал бы вопрос сердитый:
— О поле, кто тебя успел
«Украсить» техникой разбитой!!

Отцы и Дети

(Судебные зарисовки)

— Встаньте, ответчик!

— Пжалста. Уфф! Ну и ну,— история!

Молодой человек благообразной наружности, именуемый ответчиком, кипит, как чайник на большом огне. Да, совершенно верно, он уже 30 лет Смирнов Владимир Дмитриевич. Ещё что? Место работы? Пжалста, можно повторить ещё раз, устно: техническое училище № 7 Главного управления трудовых резервов... Мастер производственного обучения...

В общем, как подчёркивает мимоходом Владимир Дмитриевич, он всецело посвятил себя благородному делу воспитания молодёжи. Но почему, воспитывая молодёжь, ответчик не желает воспитывать собственного четырёхлетнего сына, понять довольно трудно.

— Чужая семейная жизнь — потёмки, товарищи судьи! — патетически восклицает он. И, скривив рот, будто бы про себя, вполголоса: — Алименты... иск... Пфф, какая пошлость.

— Ближе к делу, гражданин Смирнов.

— Да, вот именно к делу! Это тяжёлое, это сложное, это, я бы сказал, архиублюдочное дело...

— Ответчик, вы хотите сделать какие-нибудь дополнения?

— Миллион дополнений!!!

Вероятно, в эти минуты Владимир Дмитриевич думает о себе в третьем лице: «На губах молодого красавца мелькает убийственная саркастическая улыбка. Непринуждённо отставив ногу, он с гордо поднятой головой отражает покусение на его авторитет и зарплату».

В публике, сидящей позади, о нём тоже думают в третьем лице, но несколько иначе.

— Вот ведь кривляется человек, прямо смотреть тошно! — говорит, наклоняясь к соседу, какой-то седоусый железнодорожник.

А Валентина Алексеевна Панкова, народный судья 8-го участка Ленинградского района Москвы, присматривается к гражданину Смирнову спокойным и внимательным взглядом: «Ну, ну, покажись, голубчик, каков ты есть!».

А он уже опять принял картинную позу. Пол-оборота в сторону — и большим пальцем через плечо:

— Эта гражданка...

— Она для вас не «эта гражданка», Смирнов, а ваша жена и мать вашего ребёнка!

— Пфф! Товарищ судья, у вас женское чувство к женщине.

Ну, хватит...

— Ответчик, вы признаёте предъявленный вам иск?

— Не признаю! Я не желаю платить принудительно!! Я желаю давать деньги на ребёнка добровольно!!!

— Да не будет он давать добровольно, граждане судьи! — тоскиво говорит молодая женщина. — Вы же сами видите...

Во время перерыва, пока суд находится в совещательной комнате, Смирнов сидит, небрежно развалившись, с видом постороннего, скучающего зрителя. И когда один из соседей о чём-то спрашивает его, он громко изрекает, демонстрируя свою литературную эрудицию:

— Подождём — увидим... Как говорил Остап Бендер: «Суд идёт!»

Правда, герой Ильфа и Петрова говорил не совсем так, но всё равно, было прямо-таки удивительно, что о нём вспомнили в подобной ситуации.

...Решение суда кратко, но содержательно комментировал тот же седоусый железнодорожник, выразивший своё мнение насчёт кривляния:

— Плати, гусь, алименты!

Вскоре же на этом самом месте молодого отца-ответчика смеяет пожилой собрат. Он бодр и элегантен, у него благородная седина, энергичный профиль и самоуверенная осанка. Это юрист-консульт Географиза Константин Леонидович Калугин. Истица, которая по возрасту годится ему в дочери, представляется суду с тяжёлым вздохом:

— Я четвёртая жена Константина Леонидовича...

Содержание иска немногословно... После пяти лет совместной жизни, из коих он изрядное количество времени не работал и жил на средства жены, занимаясь выпивками и азартной игрой на бегах, Константин Леонидович снова возжаждал «свободы». Он принимает все меры к тому, чтобы его жена и четырёхлетний сын Юрий «очистили помещение». А посему истица просит суд признать её право на соответствующую часть жилплощади.

— Я отмечаю эти беспочвенные притязания, граждане судьи! — говорит сочным баритоном ответчик. — Она мне совершенно не жена! Она даже не может быть таковой по закону, поскольку брак с моей предыдущей супругой официально не расторгнут. Вы спрашиваете: кто же она мне? Извольте: временная жилища с временной пропиской, каковая истекает в текущем месяце!

Интересно, почему же Константин Леонидович добровольно самоуплотнился и столько лет стеснял себя присутствием «посторонней женщины» и появившегося вскоре «постороннего ребёнка»? На этот щекотливый вопрос гражданин с высшим юридическим образованием отвечает, не моргнув:

— В основе моих вышеуказанных действий лежали чисто альтруистические побуждения!

«Альтруисту» явно становится не по себе, когда дают показания его квартирные соседи. Но самым неприятным свидетелем для Константина Леонидовича Калугина оказывается... Константин Леонидович Калугин.

— Ответчик, вам знакомы эти документы? — спрашивает судья

и протягивает ему через стол добрый десяток его собственноручных заявлений.

При виде этих заявлений лицо почтенного юристконсульт слегка перекашивается, но он быстро овладевает собой и даже выдавливает снисходительную улыбочку: м-да, действительно, он в своё время просил милицию прописать истицу как его жену; он также получал различные денежные пособия, мотивируя свои просьбы трудным материальным положением и наличием малолетнего сына; но...

— Но это не соответствовало действительности, — непринуждённо пожимает плечами Константин Леонидович.

— Значит, вы подписывали заведомо ложные документы?

— Ну зачем так заострять формулировки! — усмехается многоопытный юрист. — Просто под давлением обстоятельств допускал неточности в мотивировочной части.

И опять декламирует сочным баритоном:

— Совершенно не жена! Совершенно не мой ребёнок!

Последнее утверждение с особым ораторским блеском «обосновал» в своей речи адвокат Калугина тов. Прохоров.

— Граждане судьи! — воскликнул он. — Что доказывает, если ребёнок называл ответчика папой? Ничего это не доказывает, граждане судьи! Быть может, ответчику, не имевшему детей, просто было приятно, что на пятьдесят пятом году жизни чужой ребёнок называл его папой!

Это глубокое и смелое умозаключение не вызвало аплодисментов в переполненном зале суда. Они раздались несколько позже: когда суд огласил своё решение, признав за истицей право на половину жилплощади. Лицо ответчика было темнее тучи. Было ли оно светлее его морального облика, судить не берёмся...

М. ЛЬВОВ

ВЫПУСКНИКИ

Некоторые министерства планируют подготовку рабочих по специальностям без учёта запросов предприятий.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Куда думаете идти после технического училища!
— В министерство: узнать, кому нужна наша профессия...

ТАКОЕ РЕМЕСЛО...

Бригитта Гофман была хорошенькой и элегантною девушкой. С каких именно пор она начала ходить по ресторанам, неизвестно. Но в тот октябрьский вечер 1954 года, когда она сидела в ночном клубе во Франкфурте-на-Майне, когда она напилась, не заплакала по счёту и натворила бед, ей шёл двадцать пятый год.

Конечно, интересно было бы знать, почему у неё не оказалось денег, чтобы заплатить по счёту. Но, к сожалению, американское агентство Ассошиэтед Пресс, описавшее ход дальнейших событий, не остановилось на таких деталях.

Наверно, Бригитта Гофман и сама не заметила, как стала пьяной. В конце концов девушке не так уж много надо. А вот как она оказалась без гроша? Может быть, она в ночном клубе назначила свидание с милым и, будучи уверена, что он придёт, заказала за его счёт бутылку вина, а он не пришёл? Или наоборот: пришёл и сам изрядно нагрузил, но, имея привычку предоставлять дамам платить за себя, сказал Бригитте: «Я скоро вернусь, детка!» — и не вернулся?

Так или иначе, но когда официант подошёл к захмелевшей «детке» и положил перед ней счёт, она поморгала длинными подведёнными ресницами и, погрозив пальцем, сказала:

— Я шшш...

— Почему «шшш»? — спросил старый официант. Он был уверен, что между ним и девушкой не может быть никаких секретов, требующих «шшш»...

Девушка махнула рукой и произнесла громко, но не совсем чётко выговаривая слова:

— Я шшшпионка.

Наверно, старик во фраке в первую минуту испугался и подумал: «Только ещё этого не хватало — клиента-шпиона!». Но не исключено, что уже во вторую минуту он воспрянул духом и молниеносно составил стратегический план действий.

План был прост — немедленно вызвать полицию и объявить, что за одним из столиков обнаружен... Нет-нет, что за своим столиком он, официант такой-то, честный и преданный, обнаружил матерью шпионку, которая, не заплатив по счёту, собиралась подорвать мощь... Сенсация! Портреты в газетах! Хозяин заведения будет доволен рекламой, и это уже на руку старому лакею, уверенному в завтрашнем дне лишь в том смысле, что он ещё на один день будет старше...

Вот так и получилось: никто строго не сказал пьяной девушке, что она несёт чепуху. И никто без шума не вывел её за дверь. Наоборот, вокруг Бригитты Гофман был поднят шум, да ещё какой!

Впрочем, Бригитта не только в пьяном виде бормотала, что она «шшшпионка». Отрезвев, она снова подтвердила: да, она «агент восточногерманской коммунистической разведки».

Вероятно, глаза полицейских при этом сообщении блеснули каким-нибудь особенным блеском. И даже наверное блеснули: ведь им в руки попала не просто пьяная девушка, а шпионка, и эта шпионка добровольно и даже с удовольствием дарит им целый шпионский центр! Остаётся только, не теряя дорогого времени, засучить рукава и вытаскивать этих шпионов по одному, а то и пачками...

— Итак, фрейлейн Гофман...

Польщённая вниманием, Бригитта продолжала сообщать захватывающие вещи: что она получает секретные информации от десятков коммунистов-шпионов! Что она передаёт эти информации в Восточную Германию! Что всех этих шпионов она знает наперечёт, да, да, вот так, как свои десять пальцев! А, кстати, нельзя ли тут, в полиции, сделать маникюр? Вы же видите, лак на указательном пальце совсем ободрался...

Очевидно, ей позволили сделать и маникюр и педикюр и вообще создали все условия, только чтобы не отвлекать девушку от главного. А главное — чтобы Бригитта Гофман назвала всех-всех-всех «коммунистических

НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— Колонизаторы кричат о своей любви к нашей стране. В чём источник их любви!
— В наших нефтяных источниках.

шпионов», которые разгуливают по городам федеративной республики, прикидываясь добродетельными обывателями.

— Хорошо, — сказала Бригитта, — пожалуйста, я буду называть всех шпионов. Записывайте: Ганс Шмидт, Отто Мюллер, Фридрих Рейнвейн... кстати, за меня уплачено в кабачке, всё в порядке? Это очень мило с вашей стороны. В таком случае, нельзя ли мне немножко вина? Ах, всё можно! Данке зер. Итак, на ком мы остановились?.. Отто Рейнвейн, Фридрих Мюллер, Герман Шмальц...

Два года не спеша, серьёзно и обстоятельно производила Бригитта Гофман разные имена и фамилии. А специальные агенты целых два года прочёсывали, как волосы частым гребнем, всю Западную Германию от севера до юга и от востока до запада, подымая с

постели перепуганного массажиста Шмидта или терпеливо подкарауливая возле выхода из кино сапожника Мюллера...

Бригитте шёл уже двадцать седьмой год. Говорили, что она не подурнела, не утратила хорошего настроения и спокойствия. Наоборот, ей предоставляли полную возможность быть спокойной, чтобы она была способна давать всё новые и новые показания о «коммунистических шпионах».

Бригитта была щедра и, как обещала, подвалавала десятки фамилий. Но почему-то ни один из обнаруженных Гансов, Отто и Фридрихов при самом углублённом прощупывании не оказался «шпионом Восточной Германии».

Два года — это не шуточный срок. Сколько

одного жалования ушло на сбившихся с ног агентов! И никаких результатов. Кое-кто из пожилых сыщиков начал даже вспоминать свои молодые годы, первые шаги, первые поиски «коммунистических заговоров». Десятилетия сплошных неудач... Вот и теперь хоть бы кто-нибудь из множества Гансов, Отто и Фридрихов оказался «красным»...

— Да девка-то, может быть, до сих пор пьяная? — с тоской спросил кто-то из агентов.

— Что вы! Как стёклышко.

И вдруг к концу второго года Бригитта Гофман взяла и созналась, что она тогда, в ночном кабачке, просто-напросто выдумала коммунистический шпионский центр! Ну, вот взяла и выдумала...

— Зачем? — спросил главный, чувствуя, как из-под ног у него уходит почва, истоптанная за два года прыткими агентами.

Бригитта ответила:

— Просто так. Ведь вы все выслушивали мои неблыцки с таким нескрываемым удовольствием! Я хотела, чтобы вы были счастливы...

Очень жаль, что корреспондент Ассошиэтед Пресс, сообщая о судьбе самозванной шпионки Бригитты Гофман — о том, что её «приговорили к шести месяцам тюремного заключения за изобретение шпионского центра», — не рассказал, как именно выглядели физиономии «специальных агентов» при нежданном признании Бригитты.

Назвал ли главный Бригитту дурой или идиоткой? Или он, скорее всего, боялся, что эти

Из последних известий

НЕЧЕМУ РАДОВАТЬСЯ

Министр авиации США Куорлс на днях выступил в телевизионной программе. Он говорил о проблеме разоружения и, в частности, коснулся животрепещущей темы об испытаниях водородных бомб. При этом, как сообщило агентство Ассошиэтед Пресс, министр был «засыпан вопросами».

Однако Куорлс держался стойко. Он не только храбро оборонялся, но и сам перешёл в наступление. Он заявил, что прекращение испытаний атомного и водородного оружия «могло бы скорее увеличить опасность войны, чем уменьшить её».

Участники программы обрушили на министра новый град вопросов. Они недвусмысленно поинтересовались, между прочим, не страдает ли Куорлс умственным расстройством. В ответ министр заявил, что он не хочет затрагивать «вопрос о ненадёжности разоружения».

Глубоко содержательное выступление министра авиации не могло не навести зрителей на некоторые грустные размышления. Оно и понятно: если высокопоставленное лицо в своих попытках оправдать гонку вооружений доходит до того, что забывает об элементарной логике, то в этом, конечно, ничего радостного нет.

ЧЁРНЫЕ СПИСКИ

Некий чанкайшист по имени Ван Юань-хэн, ведающий получением американской помощи, недавно сообщил миру о своих взглядах на международную торговлю. В частности, он, Ван Юань-хэн, против торговых связей иностранных фирм с Китайской Народной Республикой. Недавно, объявил он, правительство Чан Кай-ши начало с американской помощью составлять «чёрный список иностранных фирм, имеющих деловые связи с китайскими коммунистами», причём две итальянские фирмы уже попали в этот список.

Итальянцы смеются. В своё время итальянские католические священники ввели собственный «чёрный список». Это был знаменитый «Индекс» — список запрещённых книг. Когда пигмеи в рясах пытались включить в него «Божественную комедию» Данте, итальянский писатель Брунетто заметил: «Клювы их травы не зашпигнут». Фраза стала пословицей. По-русски она звучит примерно так: «Руки коротки».

Вероятно, на китайском языке тоже есть какой-нибудь эквивалент.

слова, как бумеранг, возымеют обратное действие?

Надо полагать, было так: главный вызвал к себе подчинённых и как следует распёк их. В самом деле, столько средств затратили, столько времени убили — и потерпели крах. Слишком увлеклись! Забыли, что такие дела поручают профессионалам, обученным в соответствующих заведениях...

— Вам ясно, господа агенты? Красные заговоры попрежнему должны существовать, даже если их не существует. Красных шпионов попрежнему надо вылавливать, а если их нет, — выдумывать. Только выдумки поручать не пьяным девкам, а кому-нибудь посolidнее!

Барвара КАРБОВСКАЯ

Насчёт грубости

Ну и денёчек выдался, доложу я вам! Людей к нам в помещение набилось, как сельдей в бочку. Да ещё если бы люди были, а то ведь антихристы какие-то, как на подбор, сплошь крикуны и грубияны!

Но лучше я вам расскажу всё по порядку. Погодите, дайте сначала дух перевести. У меня прямо кровь в жилах закипает, как только я об этом вспомню!

Я работаю на почте. Вклады, выплаты, переводы и так далее. На таком месте человек всегда должен быть начеку, чтобы к концу дня из своего кармана не доплачивать.

И вот теперь сами посудите: что хорошего у вас получится, если около вас стоит толпа крикунов и один через голову другого что-то вам советует, поправляет вас, насмехается, ругает, угрожает, а все они вместе режут, как сто чертей!

Людей у окошечка, как я уже говорил, собралась уйма. Я совершаю операцию, записываю вклад в сберкнижку, как вдруг слышу голос из очереди:

— Чего ты там так долго копаешься? Развёл канитель!

Меня как будто кольнул кто-то. Обидно стало: ведь ничего лишнего я не делаю. Разве только волосок из пера выгатишь и снова, по порядку, как полагается: пятьсот — словами, пятьсот — цифрами, печать.

Однако я сдержался. Только прошипел себе под нос: «Грубияны ты и дурак; свиней я с тобой не пас, а ты мне тычешь!»

Молча возвращаю клиенту книжку, беру у следующего.

Снова голос из очереди, теперь уже другой:

— Смотрите, устался, как баран на новые ворота! И за что только такие зарплату получают!

Меня так взорвало, что я поставил печать не там, где надо.

И опять голоса:

— Нельзя ли повнимательней!

— Смотрите, у него руки трясутся! Работничек!

А у меня и вправду руки задрожали. От таких реплик не то что руки, весь организм затрясётся. И где только их воспитывали! Хотелось мне им сказать, что в нашем почтовом деле они ничего не смыслят, что я работаю по утверждённой инструкции, но шум стоял такой, что перекричать этих грубиянов было невозможно.

Прибежал наш заведующий. Видит, что я работаю правильно, и хочет успокоить публику. Начинает объяснять клиентам наши почтовые правила, говорит, что в каждой работе есть, так сказать, свол загвоздка, свои трудности. Нужно, мол, понимать это и не мешать работнику. Куда там! Он и двух слов не сказал, бедняга, как они и его беглым огнём:

— Ты сам ничего не понимаешь!

Заведующий махнул рукой и скрылся.

А я-то ведь скрыться не мог. Служба есть служба. Короче говоря, когда я наконец закрыл своё окошечко, я был почти без чувств. Решил для успокоения нервов пойти на стадион. Надо рассеяться. Спорт наверняка даст моим мыслям другое направление, освежит меня. В общем, купил я билет и пошёл на трибуну.

Да разве у нас на стадионе можно рассеяться и освежиться?! Ведь всё делается как-то нелепо, бестолково. Сперва сидишь на трибуне и ждёшь, пока футболисты соизволят выйти на поле. Вышли. Тут судья замешкался. Наконец сообразовали начать игру. Лучше бы они её совсем не начинали. Левый край такое вытворил с мячом, что и передать невозможно.

Я не выдержал и крикнул:

— Не танцуй у линии, мазило! Пасуй!..

Он ударил, но как? Центр — представляете? — стоит свободный, а он, идиот, подаёт на полусреднего? Полусредний, болван, вместо того, чтобы бить, передаёт мяч игроку за собой.

— Не суйся ты, сундук, если не умеешь играть! — кричу я полусреднему. А самого так и подмывает выскочить на поле и влететь ему пару хороших затрещин!

Играли они, играли, мазали, мазали, но ни одной порядочной комбинации так и не провели.

Я кричал до тех пор, пока у меня в горле не пересохло.

— Бей, чудило! Чёрт бы тебя побрал, не передавай мяч, веди сам! Беги, дурак, не жди! И за что только тренер деньги получает: давно надо было эту дубину-защитника сменить!

Другие зрители стали на меня косо поглядывать, но меня это, конечно, не трогало.

Тут центр получил мяч, он один у ворот, а судья, шляпа, свистит «офсайт». Я, понятно, не стерпел и крикнул ему:

— Не свисти ты, свистун, если ничего в игре не понимаешь!

Судья сделал вид, что не слышит. Тогда я погромче:

— Тебе бы коровам на дудочке играть, а не футбол судить!

Судья, нахал, только рукой махнул и ушёл от ворот подальше. Этим поступком он окончательно разоблачил себя как личность, не терпящую критики.

Тут кое-кто из болельщиков меня поддержал, и мы устроили игрокам и судье настоящее пекло. И знаете, что странно: они стали играть ещё хуже! А судья, тот совсем зачах. Такой, видите ли, нежный фрукт! Не выдержал справедливых замечаний зрителей. Потом я посмотрел на вратаря, и меня начал хохот душистый: здоровый верзила, а до того раскис, что у него даже ноги трясутся, будто он влез в муравейник и вылезти оттуда не может — так и стоит там.

Ну, конечно, и здесь, на стадионе, нашлись грубияны! Стали на меня шикать, говорить, что я, мол, оскорбляю игроков, что я не знаю сам правил игры, а учу судью и так далее. Да плевал я на их правила! Ты мне игру подай настоящую, острую, интересную, а не тычь мне в нос свои дурацкие правила! Вот какой народ у нас пошёл! Ничего не смыслят, а лезут со своими мнениями. А грубияны какие! Надо порядочек навести, ох, надо!..

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТАЯ

Галина Т. весной этого года окончила среднюю школу в Вильнюсе. Училась она десять лет отлично, сочинение написала на выпускном экзамене по оценке педагогического совета школы на «отлично» и была представлена к серебряной медали.

В большом и среднем, в районном, масштабе это не событие, даже не происшествие, а так — привычная деталь нашего быта. Но в масштабе семейном, в масштабе истории одной девичьей жизни, это событие большое и радостное. Это — событие, которое запоминается на всю жизнь и переходит в семейное предание.

Радость успешного окончания школы многократно воспета в стихах, где «весна» рифмуется с «она», в пьесах из юношеской жизни и в кинофильмах, так что описать счастье Галины Т. нет нужды. Читатель легко представит себе радость девушки-подростка, радость родителей, радость друзей и т. п.

Но, как сказал некий мудрец:

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий.

Так весело ходила и Галина, не зная, что, может быть, медаль выведет её на тропинку бедствий, и не предвидя в своей юной беззаботности никаких последствий. А они то и возникли.

В большом масштабе это, конечно, не событие, но, пожалуй, происшествие. И если бы писать о нём в стиле хроники происшествия, то вышло бы нечто такое:

«К 16-летней Галине Т., проходившей среди бела дня по главной улице Вильнюса, подошли неизвестные ей люди и отняли серебряную медаль. Как установлено, эти люди являются работниками Министерства народного образования Литовской ССР, педагогами».

Но, само собой разумеется, в стиле происшествия о данном факте писать невозможно. И в строго официальном стиле сообщение может выглядеть так: «Комиссия, образованная Министерством народного образования Литовской ССР, рассмотрела сочинения, написанные на выпускных экзаменах. Она признала завышенной отметку «пять», поставленную в 9-й школе, и снизила до «четырёх». Таким образом, она отказала Галине Т. в серебряной медали».

Радость в семье Галины Т. сменилась горестью. Галина плакала. Об унижении и оскорблении, испытываемом подростками в таких случаях, не написано стихов, не поведано в повестях из юношеской жизни и не создано кинофильмов. Так что читатель должен сам представить себе недоумение и растерянность в семье, горькую обиду девушки, её первое острое разочарование в жизни, недоверие к школе, которая подвела её и поставила в тяжёлое положение.

Мы не станем подвергать сомнению ни оценку, в коей так разошлись школа и министерство, ни благородные намерения комиссии. Завышение отметок — это зло, с которым надо бороться. А чтобы бороться успешно, надо установить источники зла и конкретных виновников.

Кто виновен в данном случае? Многие.

Виновны руководители и педагоги школы № 9. Они завышали отметки и этим подвели школьников под беду. С них и взыскать.

Виновны и городские руководители народного образования, которые терпели в течение года или в течение ряда лет порочную практику, и не выправили её на ходу, и так довели дело до экзаменов. С них и взыскать.

Виновны и руководители Министерства народного образования Литовской ССР, которые в течение целого года не удосужились познакомиться со школами, в которых допускается завышение отметок, а проявили бдительность только на выпускных экзаменах. С них и взыскать.

Словом, есть с кого взыскать. Виновные в аварии налицо. Но странное дело: ни с

кого не взыскано. Никто за аварию не отвечает. Учебный год закончился. Все педагоги ушли в заслуженный отпуск и провели лето, как кто мог. Их отдых не был омрачён мыслями о девочке, у которой отняли медаль. Никто не только не пролил слезы, но даже, простите за выражение, никто не почесался.

Плакала только Галина Т.

Расстроены были только её родители. Они бросились было в министерство, но им дали понять, что отметки, поставленные комиссией, относятся к явлениям неизъяснимым, потому что и комиссии уже нет, да и кто может объяснить, почему сочинение оценено не на «пять», а на «четыре»?

Так что единственно виноватой во всём оказалась Галина Т. Только её и наказали за ошибку школы, за ошибки городского отдела народного образования, за ошибки министерства.

А в чём, собственно, её вина? Она старалась учиться на «отлично». В этом была её гордость. Она доверяла своим учителям, уважала свою школу. Она сделала всё, что от неё требовалось. Никакой на ней нет вины. Но, оказывается, она во всём виновна. Она ответила за недостатки школы, отдела народного образования, министерства. По плечу ли, однако, 16-летней девушке такая большая ответственность?

Разумеется, министерская комиссия никакого злого чувства лично к Галине Т. не питала. Она как бы наказывала школу, которая провинилась в завышении отметок.

В народе так говорили: «Кошку секут, невестке знак подают». Но ведь девочка не кошка!

Мы понимаем всю сложность школьно-педагогической проблемы. Девочку жаль, но нельзя завышать отметки. Что делать?

Об этом и надо было думать руководящим педагогам, крепко думать, долго думать. Может быть, правильнее было бы лишить школу права присуждать медали? Может быть, надо усиливать экзаменационные комиссии в школах принципиальными и строгими учителями? Может быть, перенести и выпускные экзамены непосредственно в министерство, упразднив школу как лишнюю инстанцию? Мало ли что можно выдумать, если думать! Можно и нелепости придумать, а можно и на верный выход наткнуться.

Да ведь всё дело в том, что в данном случае педагоги ни о чём не думали, а пошли по линии наименьшего сопротивления: свалили всё на девочку-подростка. Беда, мол, невелика, если и поплачет, если отравлена будет её юность. Девичья, мол, слеза, что вечная роса.

Не событие это, разве лишь происшествие. Но разве только в школьной области встречается такое бездумное отношение к делу, такое малодушное стремление отойти от сложной проблемы, такое влечение к линии наименьшего сопротивления? Случай не бог весть какой, а рождает он мысли о чувстве ответственности в делах больших и сложных, когда все последствия беспечности и равнодушия выпадают на долю без вины виноватых людей.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Рисунок Бориса ЛЕО.

Вверх — вниз...

В отличие от пяти первых шумных этажей и относительно оживлённых седьмого и восьмого этажей, самый высоко расположенный в министерском здании этаж был тих, как читальный зал библиотеки.

Временами нам казалось, что мы присутствуем на демонстрации немого фильма: так бесшумно мелькали, едва касаясь ногами ковровой целины, какие-то люди, так неслышно распахивались толстые, с обеих сторон обитые войлоком двери, так безмолвны были секретари, объяснявшиеся лишь жестами, многозначительными взглядами и красноречивой мимикой. Вместо звонков телефонные аппараты имели сигнальные лампочки. Мигнёт свет — трубка снимается, и секретарша беседует с абонентом таким сверхшёпотом, что только диву даёшься, наблюдая за беззвучным шлёпаньем её губ.

В этот день нас постигла неудача: мы не попали на приём к одному весьма высокоответственному товарищу. Во всём была виновата его секретарша, которая никак не могла уразуметь, почему мы на троих имеем один документ.

— Вы комиссия? — спрашивала она, пытаясь подогнать нас под какую-нибудь из известных ей категорий посетителей. Или, может быть, обследователи? Тогда где же ваши особые полномочия?

Пока мы выясняли отношения, сверхответственный товарищ уехал (у него в кабинете был, оказывается, ещё один выход), и нам ничего не оставалось, как возвратиться на исходные позиции — в редакцию. Мы зашагали по коридору к лифту.

...На площадке перед дверью лифта, кроме нас, ждали кабиню ещё двое: молоденькая буфетчица с двумя ящиками пустых боржомных бутылок и немного сутулый, дебелий гражданин в костюме бронзового цвета.

— А-а! — воскликнул мужчина, с добродушной улыбкой оглядывая буфетчицу. — Тоже вниз? Ух, сколько тары!

— Замучила меня эта тара, — сказала буфетчица, присаживаясь на лядик. — И куда его, этого минерального напитка, столько уходит! Ужас! Боржомпровод надо по всему зданию провести или нам зарплату повысить. А то, как грузчики, ей-богу, целый день туда-сюда... Вот и сейчас на седьмом и четвертом меня уже ящики ждут... Невпроворот!

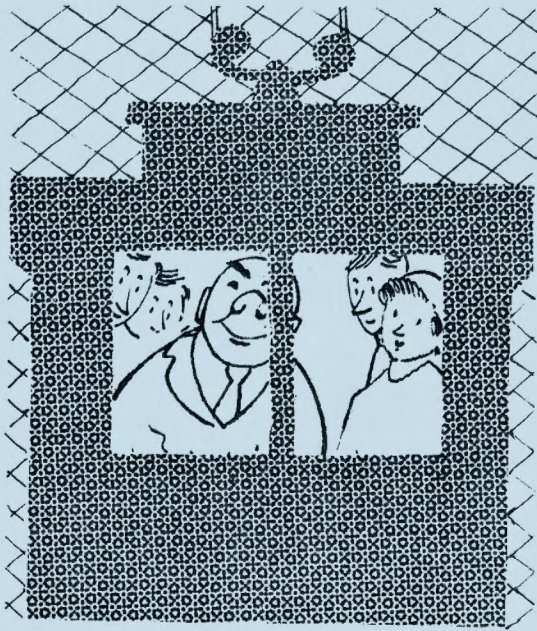
Мы немедленно высказали готовность помочь угнетённой боржомом женщине. Наиболее галантный из соавторов даже предложил снести ящики вниз на руках. Если бы этот рыцарский жест был одобрен прекрасной буфетчицей, то двум другим соавторам пришлось бы для спасения коллективного престижа здорово потрудиться, потому что сам галантный кавалер имел врачебную справку, запрещающую ему тяжёлую, среднюю, а также и лёгкую физическую нагрузку.

— Ну что вы! — сказала буфетчица, кокетливо взмахнув ресницами. — Ведь лифт работает.

— Хорошо работает! — похихатывая, произнёс дебелий гражданин. — На должной высоте — х-ха! — работает... А вот грузовой подъёмник... того... проявляет постоянство характера: стоит постоянно, ка-ха!..

Лёгкое жужжание моторов усилилось, и сверкающая зеркалами красная полированная кабина выползла снизу. Дверцы, нежная чмокнув, отворились, и на площадку ступил ничем не примечательный гражданин с зелёной папкой подмышкой.

Дебелий весельчак почтительно согнул-

ся в поклоне и стал похож на жирный вопросительный знак. Буфетчица приветствовала владельца зелёной папки менее официально.

— Здравствуйте, Никодим Иванович, — сказала она. — Я вам сегодня боржомчику побольше оставила.

— Добрый день! Спасибо, Ниночка, за заботу. — И Никодим Иванович, даже не предъявив пропуска вахтеру, скрылся в глубине десятого этажа.

Заметив наши вопрошающие взгляды, Ниночка пояснила:

— Это первый зам Никодим Иванович.

— Вы, милая, великий человек. — всё ещё сохраняя в фигуре сходство с вопросительным знаком, сказал мужчина. — Ха-ха, утоляете жажду таких людей! Прощу! — пропуская буфетчицу вперёд, сказал он. — Дорогу женщине!

Мы быстро погрузили ящики в лифт, захлопнули дверцы и начали спуск.

— Вообще у нас с буфетным делом полный кавардак, — сказала Ниночка. — Приходит служащий питаться, спрашивает, к примеру, сосиски, а что ему предлагают? — Сардельки, — хохотнул мужчина в бронзовом костюме.

Рисунок Е. ЦЕГЛОВА

— Нет, сосиски, — сказала Ниночка строго, — но без гарнира и без горчицы. А от одинокой сосиски аппетит может пропасть... Внешний вид блюда...

— В кулинарии, как в архитектуре, имеются излишества, — заявил мужчина. — Верно я говорю, товарищи? Главное, чтобы было чего жевать...

— Да сейчас даже мясомолочное поголовье кормят по рационам, по специальной рецептуре! — возмутилась Ниночка. — А у нас в буфете клиент яйца получает только в крутом виде... Безобразии!

Мы включились в разговор и подтвердили, что действительно безобразия, когда служащий не может получить сосиску с горчицей и яйцо всмятку.

— Ну о чём мы спорим? — взвезд руки, закричал мужчина. — Да, безобразия! Кто против? Кто воздержался? Значит, принято единогласно... Молодец, Ниночка, сигнализировала правильно и своевременно насчёт неполадок на закусочном фронте, ха-ха!.. Таких Ниночек на руках надо носить...

Но на руках он от отказался носить даже ящики с площадки седьмого этажа. Осуществляли погрузку мы.

На стояние разговор шёл по той же проторённой буфетной дорожке.

— Это хорошо, когда низовые сотрудники беспокоятся о своих участках работы, — вещал мужчина в бронзовом костюме.

Лифт шёл вниз. На массивном, сверкающем никелем и хромом щитке вспыхивали цифры «6», «5», «4»...

По мере опускания дебелий мужчина говорил всё громче, фразы его становились всё короче и категоричнее, фигура давно уже потеряла сходство с вопросительным знаком, даже сутулость исчезла.

— А вообще тут надо разобраться. Ну, приходит сотрудник. Просит есть. Питаться, значит, хочет. Пожалуйста, ешь. Так нет. Он проявляет критику. То ему не нравится, это ему подавай. Деликатесов ему хочется... Фон-барон, лендлорд какой-то... Н-е-ет, тут разобраться надо...

— Да в чём же, боже мой, разбираться? — удивилась Ниночка. — Имеет человек право на вкусную и здоровую пищу или нет?

— Смотри какой человек! — высоко подняв голову, произнёс дебелий мужчина. — А вообще пора изживать потребительские настроения... Всё «дай» да «дай». Мы в какую эпоху живём? Атомные ледоколы конструируем! Земле спутников сами изготавляем! А тут приходит тип и требует горчицу. Ему, видите ли, для счастья не хватает горчицы... И вы, гражданка буфетчица, поддерживаете его мелкотоварные и эгоистические наклонности...

Мы вмешались в разговор, не понимая, что за муха укусила этого ещё две-три минуты назад такого общительного мужчину. Но он презрительно оглядел нас и сказал:

— А вы бы, граждане, не совались в наши внутренние дела. Ведь вы не из нашего министерства? Да или нет?

— Какое имеет значение, откуда мы? — спросил кто-то из нас, но мужчина вдруг зарокотал басом:

— Гражданка буфетчица, это наши сотрудники или нет? Вы их видели прежде у себя в буфете? Да или нет?

— А если нет, то почему? — насмешливо спросила Ниночка. — Может, мне целую анкету по поводу этих товарищей заполнить?

Остановка на четвёртом этаже несколько разрядила атмосферу. Мы снова втаскивали ящики, а Ниночка вступила в спор с кем-то из проходящих мимо потребителей по поводу перерасхода бумажных салфеток.

На этаже уже не было высотной привилегированной тишины, и на полу вместо ковров возлежали чахлые половички неопределённого цвета.

— Мне на третьем разгрузиться, — сказала Ниночка, когда весь экипаж лифта оказался на своих местах и двери были задрены. — Если бы не вы, товарищи, то я бы полчаса спускалась...

— Надо ездить на грузовом подъёмнике, — пробасил мужчина. — А то тут спускаются всякие... с утильсырьём...

— Это кто «всякие»? — возмутилась Ниночка. — Это я «всякая»? Это порожние бутылки — «утиль»? Да вы...

Гражданин в костюме бронзового цвета даже оком не повёл. Он словно окаменел. На лице его застыло властно-пренебрежительное выражение. Глаза сверкали, как новенькие шарикоподшипники. Он смотрел поверх наших голов, куда-то вдаль, сквозь мелькающую за стеклом дверей сетку ограждения. Нельзя даже было представить, что несколько минут назад этот человек пытался острить, радушно улыбался и склонялся в почтительном поклоне.

Мы переглянулись: вот это загадка! Что за таинственное превращение произошло на наших глазах?

На третьем этаже для того, чтобы вынести ящики, нам пришлось попросить нашего странного спутника поосторониться. Это казалось необычайным, но факт остаётся фактом: мужчина-превращенец стал шире, увеличился в объёме! Он занимал приблизительно втрое больше места, чем на десятом этаже! Он походил теперь на разжиревший восклицательный знак.

На просьбу подвинуться он ответил коротко:

— Сами.

— Что «сами»? — спросила Ниночка.

— Сами двигайтесь! — грубо пояснил мужчина.

— Разрешите! — решительно сказали мы, хватаясь за ящики и отсеснив «восклицательный знак» в сторону.

— Разрешаю! — снисходительно пробасил он.

Напарница Ниночки, такая же молоденькая буфетчица в белом халатике-распашонке, деловито пересчитала ящики и сказала: — Ты давай к начальству, а я сама управлюсь! А то горчицу и хрен дали только для буфетов восьмого и десятого этажей. Остальным, говорят, приправ не положено сверх ассортимента...

— То есть сверх соли да перца? — подхватила Ниночка. — Сейчас я ему, начальству этому, покажу!

Она решительно вошла в лифт, и мы шагнули за ней. Дебелий пассажир уже занимал половину кабины, и мы с трудом уместились на оставшейся площадке.

— Пошёл! — полурывчанье-полухрип вырвался из горла разбухшего пассажира.

И он так величественно нажал кнопку спуска, что любой, даже самый знаменитый актёр, специализировавшийся на ролях императоров, увидев этот жест, немедленно бросил бы сцену и запил, убедившись в собственной бездарности.

Мы молчали, искоса поглядывая на стоявший рядом с нами «восклицательный знак». Мы боялись сказать слово. Происшедшее на глазах молниеносное превращение было так неправдоподобно, что, казалось, любой звук может разрушить это наваждение, и тогда разбухший мужчина рассыпется.

сгинет. Но наш странный спутник благополучно доехал до первого этажа, вышел первым, отпихнув с порога Ниночку. Он пробормотал при этом:

— Путаются тут под ногами... Таких учить надо!

И пошёл напролом, как танк, расшвыривая идущих и бегущих. Дебелий мужчина шагал так, словно олово, а не кровь текла в его жилах. Голову он держал на отлёте, высоко задрвав подбородок, будто наблюдал воздушный парад. Ниночка грустно улыбаясь, смотрела вслед нашему странному спутнику.

— Вы не хотели с ним ссориться? — полюбопытствовали мы. — Кто он такой?

— Это товарищ Чайников! — сказала Ниночка. — Я старалась не вступать с ним в спор, потому что мне это всё надоело. Ведь мы на неделе раза два — три вместе ездим то вверх, то вниз. Совпадения служебной жизни, сами понимаете. И если ехать с ним вверх, то всё бывает наоборот: он постепенно в нормального человека превращается, и на десятом этаже, вы же видели, всё в порядке...

— Но почему? — хором спросили мы.

— Да ведь тут, на первом, он — начальник. Главная фигура, так сказать. Вот он и пыжится. А на десятом он пыжится не может: не перед кем. Да и Никодим Иванович — человек простой, он этих пухлых надутых не любит. Если заметит, такую накачку даст, что клошья полетят! Зато на первом этаже Чайников душу отводит... Ну, простите, мне пора.

И она убежала «вырывать» горчицу и хрен у консерваторов из столовой.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Ты что же, мамочка, так плохо воспитала единственного своего внука!!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

В ВЫСОТНОМ ДОМЕ

Осенний перелёт...

Крокодильская СМЕСЬ

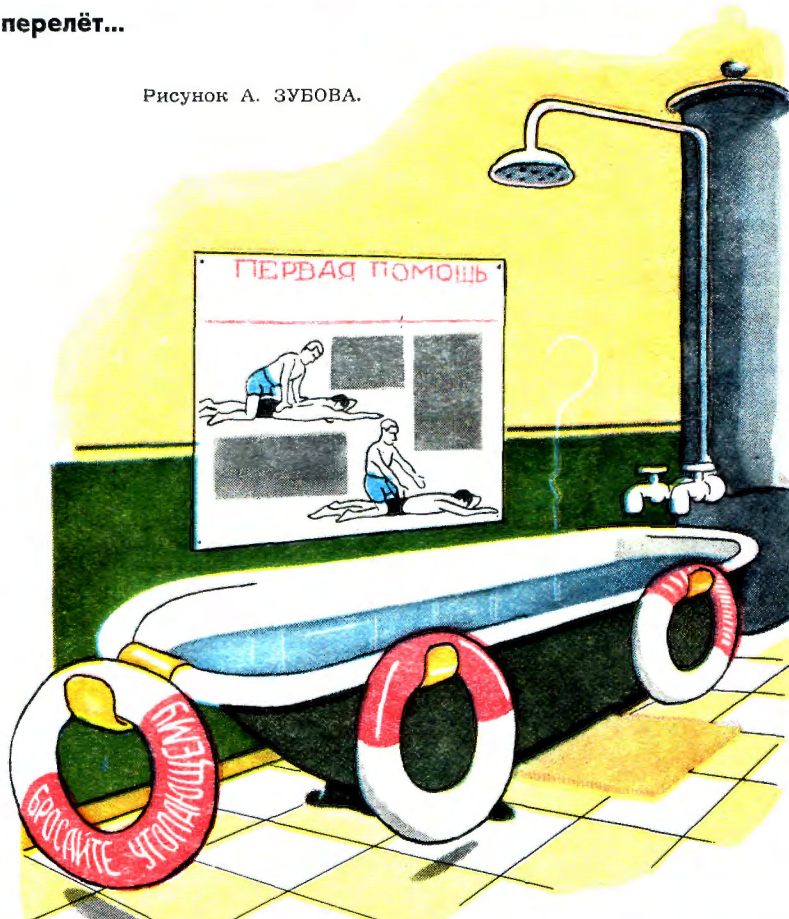
Рисунок А. ЗУБОВА.

ОСКОРБЛЕННАЯ ДУША

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Как тебе нравится этот нахал: потребовал сдачу!!

В квартире одного перестраховщика.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Проявленный интерес к лекции не могла убить ни плохая погода,

ни толкотня у дверей.

Убил этот интерес только сам лектор.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Понадобилась как-то мне на льдине пишущая машинка. Желание, безусловно, труднореализуемое в арктических условиях. Но всё же я рискнул — обратился по радио в Государственный универсальный магазин с просьбой помочь мне приобрести нужную вещь. Доставку её на станцию я взял на себя.

И что ж ты думаешь, уважаемый Крокодил? В ответ я получил презабавное юмористическое произведение. «Посылочные операции, — говорилось в нём, — производит «Союзпосылторг». С товарными прейскурантами «Союзпосылторга», условиями пересылки и адресами его отделений Вы можете ознакомиться в любом почтовом отделении. Отдел обслуживания покупателей!»

Впрочем, вполне возможно, что работники отдела обслуживания руководствовались и не юмористическими соображениями. Может быть, составить такую открытку им помогло богатое воображение. Надо полагать, работники отдела не могут и представить себе нашу льдину без почтовых стделений. Они, должно быть, чрезвычайно удивятся, узнав, что у нас под рукой нет ни каталогов «Союзпосылторга», ни адресов его стделений.

Если бы работники ГУМа были знакомы с нашими условиями, они, конечно, переслали бы мою радиogramму в «Союзпосылторг» или, на худой конец, сообщили его адрес!

Хочу добавить, дорогой Крокодил, что даже в суровых условиях можно впасть в лирическое настроение. Дело в том, что один из моих товарищей по льдине, работавший двадцать лет назад на дальнем севере, получил в 1936 году трогательный документ, причём тоже от работников торговли. Но, несомненно, не от тех, кто работают сейчас в отделе обслуживания ГУМа. Вот как писали в те времена:

«Дирекция ГАСТРОНОМА № 1 с особенным удовольствием выполняет заказ, предназначенный для Вас, участника Социалистической стройки на дальнем севере. Мы рады своим внимательным и чутким отношением к Вашим интересам как заказчика магазина облегчить часы и минуты Вашего труда и досуга богатым ассортиментом продуктов отечественной промышленности, каким обладает наш магазин, готовы создать Вам реальную обстановку довольства, радостной и весёлой жизни среди суровых условий северной природы...»

Извини, дорогой Крокодил, за длинную цитату, но, право же, я привёл тебе лишь треть письма, до конца выдержанного в одном стиле.

Мне очень хотелось бы, чтобы письмо, написанное двадцать лет назад, было прочитано теперь работниками московского ГУМа:

С товарищеским полярным приветом

Е. ИГНАТЬЕВ,

врач станции, кандидат медицинских наук.

Дрейфующая научно-исследовательская станция «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-6».

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

С тревогой сообщаем тебе о распространении в Кировской области поветрия, условно названного рейсовым увлечением. Ему подвержены главным образом лица, направленные организациями города Молотовска на руководящую работу в колхозы области.

Рейсовые увлечения начинаются с ярко выраженного нежелания этих работающих на селе товарищей расстаться с обжитыми городскими квартирами. Люди теряют покой и, не считаясь с затратой средств (государственных) и времени (рабочего), начинают совершать ежедневные многокилометровые рейсы между колхозом и городом.

Рейсомания трудно поддаётся искоренению. Например, заражённые ею председатели колхозов В. Н. Шибанов, А. Г. Комаров, Д. С. Маньков, А. А. Свечников, А. М. Черепанов и секретарь Молотовского райкома КПСС по зоне Шварихинской МТС С. С. Кочуров не один раз обещали избавиться от неё. Однако изменений в их поведении не наступило.

Поветрие распространилось и на самого председателя Молотовского райисполкома тов. Ляпина, который тоже начал совершать на персональной «Победке» регулярные стопятидесятикилометровые рейсы из города Молотовска в город Киров, где он держит за собой квартиру.

Так и ездят эти товарищи от города к селу, от села к городу, рискуя оказаться в положении, именуемом в народе «ни к селу, ни к городу».

И. КОЩЕЕВ,
депутат Верховного
Совета СССР.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Говорят, что от хвоста до головы любого твоего сородича то же расстояние, что и от головы до хвоста. Если три метра, так уж три метра.

В торговой же сети, оказывается, этот железный закон действует не всегда. Вот пример: от магазина Бековского райпотребсоюза, что в Пензенской области, до цехов бековской артели «Красный Октябрь» 100 метров, а от артели до магазина — полтора миллиона метров. Так, по крайней мере, получается, если судить по пути, который проделывают пуговицы, выпускаемые названной артелью. Из Бекова они попадают в Москву, на базу «Главкооппосылторга», а база отправляет их обратно в Беково.

Таким образом, скромные пуговицы из речной ракушки смело могут претендовать на получение значков «Турист СССР». Не скажешь ли мне, дорогой Крокодил, чем же следует наградить работников «Главкооппосылторга»?

О. СОКОЛОВ

село Беково,
Пензенской области.

С УЛИЦЫ НА УЛИЦУ, С ЭТАЖА НА ЭТАЖ

Нехитрая штука — отправлять телеграммы из страны в страну, из города в город. Для тов. Гнатюка, исполняющего обязанности начальника Московско-Рязанской дороги, это уже пройденный этап. Не желая слепо следовать стандарту, он использует телеграф гораздо шире и оригинальнее.

Так, 28 августа с Краснопрудной улицы, где помещается Управление Московско-Рязанской дороги, на Ново-Басманную, в Министерство путей сообщения, им была направлена депеша в полтора слова. А надо вам сказать, что Краснопрудная и Ново-Басманная улицы находятся друг от друга на расстоянии километра. К тому же и здесь и там имеется множество телефонов.

Но разве можно доверить почте или телефонным проводам сверхсрочное сообщение о том, как и почему Московско-Рязанская дорога сорвала июльский план отгрузки формовочного песка!

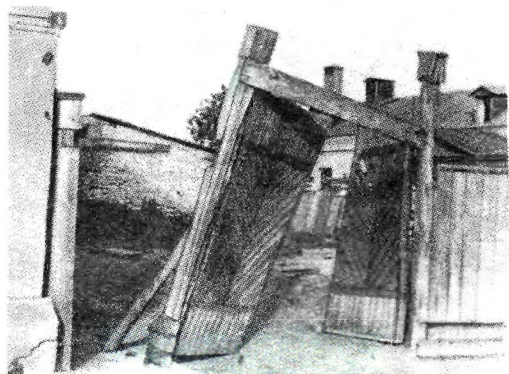
Ещё более необычно использовали телеграф управляющий Карагандинской областной конторой Госбанка В. А. Бондаренко и заместитель председателя правления Карагандинского облпотребсоюза М. М. Смаилов. Они за двумя подписями отправили телеграмму по двум адресам: в городское управление Госбанка, которое помещается в том же здании, что и областная контора, и Карагандинскому райпотребсоюзу, вообще в природе не существующему.

В данном случае отправители поступили вполне осмотрительно и логично: в самом деле, не могли же они позвонить по телефону в несуществующую организацию! Вот и послали туда телеграмму. Правда, она очень скоро была доставлена обратно. Но это уже несущественная деталь.

ФОТО-витрина

ВОРОТА НАРАСПАШКУ

Председателя Рязского горсовета Рязанской области тов. Халаимова никак не обвинишь в замкнутости. Ворота, ведущие во двор горсовета, как можно видеть на прилагаемой фотографии, он не держит на замке. Они всегда гостеприимно распахнуты: пожалуйста, заходите, критикуйте, жалуйтесь!

Жаловаться жителям Рязска есть на что. Жилищный фонд к зиме не подготовлен, план ремонта выполнен всего на сорок процентов.

Но благоразумные рязские жители не пользуются гостеприимством председателя горсовета. Им не хочется рисковать своей жизнью, и чаще всего они делают поворот от ворот, едва завидят это сооружение на пошатнувшихся столбах.

О том, что вместе с воротами пошатнулся и авторитет председателя горсовета, тов. Халаимов не думает.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 12725. Изд. № 1003. Подписано к печати 30/X 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂. Заказ № 2960. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

РАСКВАРТИРОВАЛИСЬ...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА.

Многие студенты Боннского университета были вынуждены покинуть свои комнаты, так как их заняли офицеры западногерманского бундесвера.

— У бундесвера уже есть одна крупная победа: офицеры заняли студенческие комнаты...